

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не только юристу, но, наверное, и любому человеку, интересующемуся историей государства и права России, знакомо это имя — Михаил Михайлович Сперанский. Многими замечательными делами отмечен в отечественной истории этот выдающийся государственный деятель, которому довелось жить и трудиться на благо Российского государства во времена столь разных, но в чем-то и очень близких, не только по родству, императоров Александра I и Николая I.

Можно много говорить и спорить о «трудах и днях» графа Сперанского, в постижение глубинного смысла которых удалось и нам внести свой вклад¹, но один его великий Труд, действительно, навсегда вошел в славную историю русского права — это создание под его фактическим руководством и при непосредственном участии двух выдающихся памятников: Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи.

На страницах настоящей монографии лишь изредка можно встретить имя Сперанского. Тем не менее эта книга и о нем, поскольку ее автором проведен тщательный, скрупулезный и во многом новаторский по использованным методам системный анализ Свода законов гражданских 1832 г. Исследователям жизни и творчества Сперанского известно, что гражданское право составляло его особый научный интерес и занимало особое место в законотворческой деятельности. Поэтому и в период создания Свода законов он особенно пристально следил за систематизацией гражданского законодательства и до конца жизни не расставался с мечтой о российском Гражданском уложении, способном стать в один ряд со знаменитым Code civil.

Профессиональный читатель, на которого прежде всего и рассчитана эта монография Р.С. Тараборина, сможет сам оценить оригинальность подхода автора к теме, казалось бы, не раз исследованной мэтрами дореволюционной цивилистики или современными российскими исследователями.

Наверное, такой читатель успеет удивиться «занудной» (в хорошем смысле слова) манере автора влезать в математические тонкости историко-статистического анализа источников нормативной базы Свода законов гражданских 1832 г., а если сумеет не без труда «пробраться

¹ Крашенинников П.В. Семь жизней графа Михаила Сперанского. М.: Эксмо, 2021.

сквозь дебри» системно-функционального анализа этого Свода, то, может быть, ощутит в себе желание оспорить авторскую позицию, выводы, да и весь общий стиль исследования, порожденный не совсем привычным для «классического» историка права пристальным вниманием к историческому контексту эпохи, ее глубинному содержанию.

Монография Р.С. Тараборина в этом плане вряд ли оставит читателя нейтральным и равнодушным, что представляется ее бесспорным достоинством.

Но хочется в предисловии обратить внимание на одну черту исследования, показавшуюся мне особенно интересной именно в связи с личностью и деятельностью М.М. Сперанского.

Автор монографии в историографическом обзоре остановился на одном факте из истории российской цивилистики, который отчасти послужил источником его исследования.

В конце XIX – начале XX в. в юридической периодике появилось несколько публикаций, в которых утверждалось, что Свод законов гражданских есть не кодификация национального гражданского права, а набор заимствований из зарубежных источников, слегка завуалированных ссылками на имевшиеся в распоряжении чиновников II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии правовые источники. Причем прямо или косвенно в этой «контрабанде» с Запада чужого гражданского права обвинялся именно Сперанский, якобы с 1800-х гг. навсегда отравленный «буквой и духом» наполеоновского Гражданского кодекса. Наиболее безапелляционно об этом высказался в 1908 г. известный в то время адвокат, цивилист и политик М.М. Винавер¹.

Взгляды эти особой поддержки в тогдашнем цивилистическом сообществе не снискали, тем более что внимание сообщества целиком поглотило обсуждение проекта Гражданского уложения, не говоря уже о бурных политических событиях первых двух десятилетий XX в. Но, что называется, некоторый историографический «осадок остался».

Так вот, Р.С. Тараборин, детально исследуя по периодам правлений российских монархов – от царя Алексея Михайловича до императора Николая I – процесс формирования из разнообразных отечественных узаконений нормативной базы, ставшей основанием Свода законов гражданских 1832 г., возможно, сам того не желая, выступил в роли

¹ См.: *Винавер М.М.* Об источниках X тома // *Винавер М.М.* Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики) / сост. и авт. вступ. ст. А.Л. Маковский. М.: Статут, 2015. С. 33–88.

не только историка-цивилиста, но и, так сказать, «следователя по историко-правовым делам». И в этой второй роли он оказался весьма убедителен.

В обоснованности подобной оценки может удостовериться любой читатель, не обязательно специалист по эпохе Российской империи или Своду законов Российской империи. Стоит только внимательно и без предубеждений пройти вслед за автором по страницам второй главы его исследования. И тогда вам тоже станут очевидными ошибочность и, по всей видимости, сиюминутная политико-правовая ангажированность критиков, отрицающих национальный характер Свода законов гражданских и роль Сперанского в его создании.

Именно это мне представляется самым важным научным достоинством монографии. Да, Свод законов гражданских 1832 г. не свободен от разных недостатков и недочетов, — все это было хорошо известно как самим авторам Свода, так и позднейшим исследователям, включая и автора настоящей монографии. Но в ней аргументированно доказано, что при всем при этом Свод законов гражданских 1832 г. являлся действительным продуктом исторической эволюции русского права, естественной частью национальной правовой традиции и одновременно закономерным правовым воплощением оригинального пути цивилизационного развития русского общества.

Отрезок этого пути, совпавший с эпохой империи, Р.С. Тараборин интерпретирует в рамках модернизационной концепции истории. Возможны интерпретации и с других теоретических позиций, что автор и признает. Но, постигая логику эволюции российского гражданского права как отраженную в праве (с некоторым понятным отставанием) логику модернизационной трансформации российского общества, автор, на наш взгляд, последователен, объективен и убедителен.

Предложенный и успешно реализованный Романом Сергеевичем Тарабориным метод исследования законодательных памятников в конкретно-историческом контексте эпохи вполне применим и для других отраслей права и для других эпох. Поэтому было бы полезно для современной российской историко-правовой науки, да и для самого автора, зафиксировав данную историографическую точку, не останавливаться на ней, а продолжать движение, обнаруживая новые грани национальной правовой традиции.

П.В. Крашенинников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

ВВЕДЕНИЕ

Качественные изменения, произошедшие за последние десятилетия в отечественной юридической науке, привели к существенному обновлению ее теоретико-методологического арсенала и расширению тематики исследований. Это положительно отразилось и на развитии историко-правовой науки, в которой вновь, после некоторого «тематического застоя», свойственного советской историографии, развернулись исследования по всему временному диапазону дореволюционной истории права: от Древней Руси до последних лет Российской империи.

Вместе с тем в современной юридической литературе справедливо отмечается, что в изучении отечественной правовой истории остаются проблемы, являющиеся «дискуссионными, иногда неочевидными, но требующими разрешения»¹. К числу подобных проблем, по нашему мнению, следует отнести *юридическую квалификацию* правовой системы Российской империи в современном ей мировом (европейском) правовом пространстве.

Кристаллизация такой проблемы в значительной мере явилась следствием формирования во второй половине XX в. юридической компаративистики, предметно ориентированной на сравнительные исследования национальных форм и систем права. Одним из ее создателей французским правоведом Р. Давидом в 1970-е гг. была разработана классификация мировых правовых систем по правовым семьям, получившая широкое признание среди правоведов разных стран.

В основном юридическая компаративистика сосредоточивает свое внимание на ныне существующих национальных формах и системах права. Однако поскольку адекватно понять сходства и различия современных форм и систем права невозможно вне знания о том, как они формировались и развивались, то в работах компаративистского характера присутствуют и экскурсы в историческое прошлое.

Так, Р. Давид приходил к выводу, что правовую систему дореволюционной (досоциалистической) России следует отнести к романо-германской правовой семье. Но он признавал и ее своеобразие, проистекавшее из «слабости юридических традиций и чувства права

¹ Дорская А.А. Российская наука истории государства и права в начале XXI века: проблемы и перспективы // Российская наука истории государства и права в начале XXI века: сб. науч. ст. СПб.: Астерион, 2010. С. 15.

в России» и расхождений писаного права, созданного властью, с народным сознанием¹. Шведский историк права Э. Аннерс также полагал, что «со времен Петра Великого Россия была введена в западноевропейскую правовую семью»². Но, например, Р. Леже считал, что правовая модернизация в России в эпоху империи имела ограниченный характер, и это не позволяет точно определить отношение российского права к западноевропейскому праву³.

В российской дореволюционной истории и теории права общепринятой была точка зрения, состоящая в том, что начиная с преобразований Петра I происходило сближение российского права с западноевропейским (континентальным) правом, сопровождавшееся заимствованиями (рецепциями) в законодательстве и правоприменении. К примеру, М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что, «ставши государством общерусским, империя старается изменить Московский государственный строй чрез усвоение западно-европейских и западно-русских форм путем реформаторского законодательства»⁴. По мнению А.Н. Филиппова, российские законодатели с эпохи Петра I «ищут содержания для своих норм как в тех образцах иноземных источников права, какие считают наилучшими, так и созидают свои учреждения и правила по началам тех теорий западных и русских мыслителей или публицистов, какие выставляет ученость их века»⁵.

Признавая влияние западноевропейского права, дореволюционные правоведы одновременно указывали на высокий уровень преемственности права эпохи империи древнерусскому и московскому праву, подчеркивали избирательное, творческое отношение законодателей к рецепированию. В целом же вопрос о степени иностранного влияния на развитие российского права в XVIII — начале XX в. в дореволюционной юридической историографии остался открытым, тем более что полноценных исследований подобного рода реализовано не было.

Классификация современных правовых систем по критерию правовых семей в российской теории права и в сравнительном правоведении

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 23–24, 117–118.

² Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. С. 254.

³ Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 202–203.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. Киев: Тип. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1907. С. 236.

⁵ Филиппов А.Н. Учебник истории русского права (Пособие к лекциям). 4-е изд., изм. и доп. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. Ч. I. С. 517–518.

в настоящее время получила широкое применение, о чем, в частности, свидетельствует ее присутствие в большинстве учебных изданий.

Одни ученые, затрагивая в связи с этим историческое прошлое российского права, принимают точку зрения Р. Давида относительно принадлежности России к романо-германской правовой семье, но и указывают на своеобразие российского права, его конкретные отличия от права европейских стран¹.

Другие праведы, не отрицая фактов европейских рецепций в российском праве XVIII–XIX вв., на первый план выдвигают аргументы в пользу системного расхождения отечественного и западноевропейского права, как в источниках, так и в исторической эволюции. Констатация расхождений служит основанием сомнений в возможности однозначного отнесения к романо-германской правовой семье, предположений о существовании особой правовой семьи, объединявшей славянские (православные) страны, включая Россию².

Таким образом, проблема юридической квалификации правовой системы Российской империи в мировом (европейском) правовом пространстве нового времени сохраняет в юридической науке дискуссионный характер.

Между тем разрешение этой научной проблемы, формально относящейся к истории права, но затрагивающей и теоретические вопросы, обладает определенной политико-правовой актуальностью, связанной с самоопределением правовой системы Российской Федерации в современном мировом правовом пространстве. Преобразования, происходившие в этой системе с конца 1980-х гг., первоначально во многом вновь развивались в направлении сближения с законодательством и судебной практикой стран традиционного континентального романо-германского права. Но у такого сближения обнаружились не толь-

¹ Мальцев Г.В. Понимание права: подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. С. 17; Медушевский А.Н. Российская правовая традиция – опора или преграда?: доклад и обсуждение. М.: Фонд «Либер. Миссия», 2014. С. 8–9; Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. С. 464; Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. С. 112; Саидов А.Х. Сравнительное правведение. М.: НОРМА, 2006. С. 331; Теория государства и права: учебник / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: Изд. группа ИНФРА-М; НОРМА, 1997. С. 477–478; Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. С. 397 и др.

² Марченко М.Н. Сравнительное правведение: Общая часть: учебник для юрид. вузов. М.: Зерцало, 2001. С. 453–454; Синоков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма. 2010. С. 127–151; Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правведения. М.: НОРМА, 1996. С. 128–129 и др.

ко позитивные, но и существенные негативные аспекты, что не раз отмечалось в текущей российской юридической литературе. Разного рода сложности возникли и в практике международного правового сотрудничества Российской Федерации со странами и наднациональными объединениями, правовые установления которых основываются на романо-германском праве.

В такой ситуации возрастает значимость учета в текущей законодательной и правоприменительной политике Российской Федерации национального исторического опыта правового развития, особенно происходившего в типологически сходных обстоятельствах. Подобные обстоятельства имели место как раз в эпоху Российской империи, когда власти страны, обладавшей высоким уровнем правовой самостоятельности, в силу ряда конкретно-исторических причин прибегли к обширным заимствованиям, в том числе и в сфере законодательства, из правового опыта некоторых европейских государств.

Нынешние расхождения в определении историко-правовых координат Российской империи, по нашему мнению, имеют несколько причин.

Во-первых, в отечественной теории права трактовка правовой системы пока сохраняет дискуссионный характер, в имеющихся вариантах не во всем совпадая с содержанием понятия *système de droit*, которым оперировали Р. Давид и другие зарубежные компаративисты. В их интерпретации оно было ближе к другому понятию, применявшемуся и применяемому российскими правоведами, — «система права». Расхождения в понимании ключевого для сравнительных исследований понятия порождает расхождения в критериях сравнения изучаемых систем.

Во-вторых, в отечественном сравнительном правоведении еще не создано *репрезентативных научных исследований*, специально посвященных конкретно-историческому сравнительному анализу правовой системы Российской империи и современных ей стран Западной Европы, например Франции, Австрии, Германии (после объединения) и т.д.

В-третьих, при весьма значительном количестве историко-правовых работ по правовой истории России XVIII — начала XX в. до сих пор отсутствуют исследования, предметом которых являлась бы правовая система или система права Российской империи *per se*.

Последняя причина, по нашему мнению, играет первостепенную роль, создавая фундаментальную лауну в предметном поле компаративистских исследований права Российской империи и современных

ей государств Европы. Но ее заполнение, конечно, является чрезвычайно сложной и объемной научной задачей, которая решается только соединенными усилиями многих специалистов в теории и истории права, в сотрудничестве с представителями других социальных наук.

Однако предварительные условия для ее решения могут быть созданы посредством исследований отдельных правовых структур Российской империи, например, отраслей права.

Опыт зарубежной юридической компаративистики свидетельствует о том, что в историческом ракурсе сравнительные исследования различных *systemes de droit* осуществляются преимущественно посредством анализа законодательства (как раз по отраслевому принципу) и судебной деятельности — правовых сфер, наиболее обеспеченных источниками, доступными современным исследователям. Центральное место среди законодательных источников занимают кодификационные источники.

В Российской империи таким источником стал Свод законов Российской империи — единственная, по оценке Р. Кабрияка, кодификация, которая в силу своей оригинальности «заслуживает особого места в череде кодификаций XIX — начала XX в.»¹.

Свод законов Российской империи был создан в 1832 г. и вступил в силу с 1 января 1835 г. Он полностью переиздавался с соответствующими изменениями в 1842 и 1857 гг., впоследствии осуществлялись переиздания отдельных подразделений права в его составе. Несмотря на все выявившиеся после реформ 1860—1870-х гг. и в ходе развития России в последней трети XIX — начале XX в. недостатки в структуре и содержании Свода, он так и остался действующей формой кодификации российского права до самого конца империи.

Значит, в любом сравнительном исследовании российского законодательства и законодательства какой-либо из стран романо-германской системы права естественным источником первого должен являться именно Свод законов: как система законодательства в целом и как отдельные отраслевые законодательные (под)системы.

Однако сейчас можно констатировать некоторую парадоксальность в изучении Свода законов в отечественной юридической историографии.

С одной стороны, он всегда упоминается в историко-правовых работах, касающихся эпохи Российской империи, никто из правоведов далекого и ближнего прошлого, равно как и настоящего, не отрицал

¹ Кабрияк Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. С. 78.

и не отрицает его значения как важнейшего акта, систематизировавшего на уровне первой половины XIX в. отечественное право.

С другой стороны, не только Свод законов в целом, но и его отраслевые подразделения до сих пор не имеют специальных предметных исследований, способных послужить основой для создания компаративистских работ. Кроме того, и в прошлом, и в настоящем оценки достоинств и недостатков Свода различались, иногда кардинально.

Поэтому можно сказать, что Свод законов как *система российского позитивного права*, обладавшая своей собственной историей, структурой, содержанием и функциональностью, созданная и действовавшая в определенном общеисторическом контексте, все еще остается для юридической науки своеобразной историко-правовой Ding an sich.

Настоящая монография с этой точки зрения представляет опыт *частичного восполнения* такого *историографического пробела* посредством историко-правового системного исследования *гражданского (материального) законодательства*, являвшегося основанием отраслевой подсистемы гражданского права Российской империи, формирование которой происходило на протяжении XVIII — первой трети XIX в.

Фундаментальным теоретико-методологическим основанием исследования является общеизвестное положение о том, что, будучи одной из форм общественных отношений и одним из видов социального регулирования, право при всей его специфике подчинено в своем развитии общесистемным закономерностям, в данном случае — закономерностям российского исторического процесса. Поэтому формирование подсистемы отраслевого гражданского законодательства как органической части всей законодательной системы Российской империи являлось процессом, в конечном счете производным от общей эволюции русской (российской) цивилизации (общества) в конкретных пространственно-временных пределах. Значит, исследование этого процесса должно осуществляться в общеисторическом контексте, устанавливая *взаимосвязь собственно правовой эволюции и системной эволюции российского общества эпохи империи*.

В настоящее время в российских социальных науках сформировались и используются несколько основных концептуальных подходов, направленных на объяснение закономерностей исторической эволюции российского общества XVIII — начала XX в.: формационный, преобладавший в советской науке, ныне в большей или меньшей степени модифицированный, и получившие распространение в последние десятилетия цивилизационный, модернизационный и мир-системный подходы.

Настоящее исследование основывается на *модернизационном подходе, рассматривающем системную эволюцию российского общества в эпоху империи как переходный процесс от аграрного к индустриальному типу общественной организации*. Обоснование применения этого подхода в изучении правовой эволюции России дано в параграфе 1.2 монографии.

В рамках данного подхода формирование системы гражданского права и ее законодательных оснований исследуется в контексте общего процесса правовой модернизации России в условиях системной модернизации общества.

Отраслевая подсистема гражданского законодательства в составе Свода законов Российской империи наиболее последовательное, хотя и не до конца полное выражение нашла в *Своде законов гражданских*.

Этот Свод в издании всего Свода законов, представленный в т. X ч. I, являлся прежде всего систематизированным собранием *действовавшего гражданского позитивного права*. Но его нормативное содержание, как и всех отраслей права, формировалось на протяжении почти полутора столетий создания и развития Российской империи — естественного продолжения Московского государства, обладавшего тем не менее целым рядом качественно новых системных свойств. В силу этого в «снятом» виде, т.е. на уровне правовых источников, из взаимодействия которых на протяжении этого времени постепенно формировалось нормативное содержание отрасли гражданского права, Свод законов гражданских являлся одновременно *историей формирования подсистемы гражданского права империи*, в которой должны были проявиться закономерности общесистемной (модернизационной) эволюции российского общества.

Следовательно, историко-правовое исследование Свода законов гражданских должно быть *одновременным исследованием действовавшего гражданского законодательства и процесса его формирования в контексте общесистемной модернизационной эволюции российского общества XVIII — первых десятилетий XIX в.* Будучи проведено именно в этом двойном ракурсе, оно способно, по нашему убеждению, выявить системные характеристики гражданского законодательства и тем самым предоставить репрезентативные аргументы — на уровне одной из правовых подсистем — в пользу отнесения (неотнесения) правовой системы Российской империи к романо-германской правовой семье.

Использование данного исследовательского ракурса имеет еще одно немаловажное историко-правовое обоснование. Известно, что в последней трети XIX — начале XX в. как раз Свод законов гражданских

оказался объектом наиболее острой (в масштабах всего Свода законов) критики со стороны не только академической юридической науки (цивилистики в первую очередь), но и юристов-практиков за его несоответствие современному состоянию гражданско-правовых отношений в обществе. По мнению некоторых критиков (в том числе такого авторитетного цивилиста, как Г.Ф. Шершеневич), несостоятельность Свода в новых условиях явилась прямым результатом изначальных ошибок его создателей (конкретно М.М. Сперанского). Главной ошибкой являлась попытка механического соединения обширных заимствований из западноевропейского права с правом, восходившим к московской эпохе, превратившая Свод в компилятивный документ, не отражавший национальный характер российского гражданского права. Эта точка зрения не нашла тогда существенной поддержки в юридическом сообществе, но до настоящего времени она не была с должной убедительностью и опровергнута.

Полагаем, что научная значимость доказательного ответа на поставленный критиками Свода вопрос, в частности, определяется тем, что именно состояние гражданского права (законодательства) в юридической компаративистике рассматривается в качестве одного из важнейших свидетельств принадлежности системы права конкретной страны к романо-германской или какой-либо иной правовой семье. Значит, получение указанных выше аргументов будет содействовать решению и этой остающейся дискуссионной проблемы истории российского гражданского права.

Все сказанное позволяет считать, что представленное в настоящей монографии *историко-правовое исследование*, помимо восполнения определенного историографического пробела, также способно внести вклад в решение общей проблемы юридической квалификации правовой системы Российской империи в современном ей правовом пространстве Европы.

Хронологические рамки исследования (XVIII – первая треть XIX в.) были избраны исходя из двух теоретических оснований.

Во-первых, в модернизационной интерпретации эволюции российского общества в эпоху империи выделяются (в соответствии с общими положениями модернизационной теории) два этапа: *раннеиндустриальный и собственно индустриальный*. Начало первого этапа принято связывать с преобразованиями, осуществленными в первой четверти XVIII в. Петром I, а его завершение с переходной фазой между двумя этапами – фазой промышленного переворота (или промышленной революции), чаще всего в исследованиях датируемой 1830–1880-ми гг.